

Владимир Щербина: "Тогда я принял одно из самых непростых решений: уйти на объект"

В ходе подготовки книги "Живы, пока нас помнят", которая выйдет в свет в апреле, к 25-летию Чернобыльской катастрофы, Александр Купный встретился с первыми ликвидаторами и с теми, кто внес существенный вклад как в ликвидацию аварии, так и в работу ЧАЭС. Одна из встреч была с почетным гражданином Славутича В.Г. Щербиной. Мы полагаем, что записи, сделанные во время беседы, будут интересны самому широкому кругу читателей.

Первые дни после аварии на Ленинградской АЭС

Авария для меня началась 29 апреля. Работал начальником отдела охраны труда на Ленинградской АЭС, и наши приборы показали повышение радиационного фона. 27 апреля, в воскресенье, нас собрал директор станции Еперин Анатолий Павлович, он только что приехал из Москвы и сказал, что на Чернобыльской станции что-то произошло.

Мы не ожидали, что до нас докатится. Но когда это произошло, поняли, что это оттуда. Активность повышалась очень сильно. Анализы питьевой воды показали повышение активности по радиоактивному йоду до -9 степени, а допустимый уровень 3х10 в -8 степени.

Встал вопрос: что делать? Позвонили в Москву и из Минздрава сказали, что пока беспокоиться рано, и посоветовали пока молчать.

Мы продолжали контролировать активность питьевой воды. Каждый понедельник на директорских оперативках я докладывал,

сравнимо лучше, чем на Чернобыльской АЭС.

Тогда же в конце апреля, меня вызвал А. П. Еперин и, как истинный средмашевец, для которого не существовало нерешаемых проблем, дал мне задание рассчитать дозы на площадке ЧАЭС. В средмаше не существовало понятий "могу, не могу", и ко 2 мая я рассчитал, что максимальная доза в районе километра от ЧАЭС может достигать 1000 рентген в час.

У меня была идея проехать на своей машине по радиоактивному следу, как профессионалу мне это было интересно. Но главный инженер ЛАЭС Михаил Пантелеевич Уманец сказал: "Зачем? Ты дальше ста километров не уедешь, там есть кому этим заниматься".

Первые беженцы

В конце апреля к нам стали приезжать из Припяти. Приезжали те, кто успел выехать на своих машинах. Случаев было много всяких, но запомнились несколько.

ровали, кроме шин и воздушного фильтра, их заменили.

Из села Толстый Лес приехала дочка Коржавина, моего бывшего сослуживца по Томску-7 и ЛАЭС, (потом он уехал на ЧАЭС). У нас уже было налажено измерение йодных доз, мы работали на уровне института биофизики. У этой девочки намеряли около 250 бэр на щитовидной железе. Как потом оказалось, первый удар, выпадение осадков пришлось именно на Толстый Лес. Они там жили до 5 мая. Я выдал им справку о полученной дозе и уверен, что она не один раз помогала ей в жизни.

К начальнику нашей охраны приехали дети его бывшего сослуживца. 13 и 10 лет. Мы также замеряли их дозы и получили на порядок меньшие показания, чем у той девочки из Толстого Леса. Меня это заинтересовало: почему? Жили в военном городке Чернобыль-2, который находится в трех километрах от станции, а Толстый Лес в 20 километрах от станции. Выясни-

“

У меня была идея проехать на своей машине по радиоактивному следу, как профессионалу мне это было интересно. Но главный инженер ЛАЭС Михаил Уманец сказал: "Зачем? Ты дальше ста километров не уедешь..."

”

лось, что командир этого военного гарнизона, узнав об аварии на ЧАЭС, приказал: "Женщины, дети по квартирам, не выходить, окна закрыть". Тем самым он свел до минимума облучение гражданских лиц.

Это хороший пример, как руководитель должен принимать решения и нести ответственность в аварийных условиях. Это была одна из проблем на станции и в Припяти.

Первая командировка на Чернобыльскую АЭС

Меня вызывают в Москву, в новое министерство атомной энергетики, и Чистохин В.М., начальник управления по охране труда, техники безопасности и радиационного контроля предлагает должность своего заместителя. Я согласился.

Владимир Георгиевич Щербина, пенсионер, первый директор "объекта "Укрытие", академик МАНЭБ, лауреат Государственной премии Украины, лауреат премии СМ СССР, почетный гражданин Славутича. На момент аварии — начальник отдела охраны труда и техники безопасности Ленинградской АЭС

Пока шло оформление документов о переводе, меня в начале декабря 86 года отправляют в командировку на Чернобыльскую АЭС разобраться с дозами. Поступало много жалоб, что полученные дозы плохо учитываются, списываются, умышленно занижаются, и надо было выяснить: насколько точно фиксируются дозы облучения.

Стал разбираться. Бардак страшный. Персонал отдела радиационной безопасности был очень хорошо подготовлен. Создалось впечатление, что он запуган, не готов к свалившейся ответственности за принимаемые решения. К руководству отделом пришли люди, которые скорее теоретики в радиационной безопасности, чем практики.

Взяв прибор, я лично обошел всё, территорию, помещения, где можно было пройти, замерял обстановку. Уровни, конечно, были уже не апрельские, но ещё достаточно высокие.

В ходе проверки выяснилось, что солдатам выдавали один дозиметр на отделение. Это называлось групповым дозконтролем. Строители своей службы дозконтроля не имели, и с ними поступали следующим образом: выдавали дозиметры, потом что намеряем, то и запишем, с результатами разбейтесь сами.

Кроме того, оказалось, что на ЧАЭС при переходе с ручного на автоматизированный учёт полученных доз облучения все дозы выше 25 бэр были уничтожены. Логика была проста. Те, кто набрал 25 и выше, выводились из зоны на один оклад, кто меньше — оставался ра-

ботать на пяти, потом на трех окладах. Возникла прямая зависимость от качества и объема выполненной работы и полученной дозы. Больше работаешь — больше доза и тибя выводят. Тихонько сидишь, тихонько работаешь — доза меньше и остаешься. Списав дозы, они решили устранить возникшую, на их взгляд, несправедливость.

В акте я указал, что на станции более-менее контроль существует, но с нарушениями учета доз. Военные не контролируются, контроль как бы есть, но неэффективный, а у строителей контроль есть, но анализом никто не занимается.

На станции, конечно, были недовольны таким актом и на меня начали "наезжать". Кто ты такой, какие у тебя полномочия... Дело в том, что по командировке я числился заместителем начальника управления по охране труда министерства, а фактически был ещё начальником отдела охраны труда ЛАЭС. Вот такая коллизия.

Меня вызвали в первый отдел, мол, есть сведения, что ты не тот, за кого себя выдаешь. Состоялся откровенный разговор, и начальник первого отдела мне сказал, что он знает о списывании доз и не хочет в этом участвовать, потому сказал мне: "Поступай как считаешь нужным, я мешать тебе не буду."

Акт в первоначальной моей редакции был отправлен в Москву. В средмаше меня научили именно так работать: для внутреннего пользования отражать всё, как есть на самом деле, и ничего не скрывать.

Окончание следует

Осень 1986-го... Фото из архива Александра Купного

какую примерно дозу получил каждый житель города. После 20 мая активность резко стала спадать. На этот момент получалось, что суммарная доза за время повышения активности не превышала 0,4 бэра, при годовой норме 0,5. То есть мы вписывались в норматив.

В городе паники не было. Люди знали, что мы контролируем ситуацию. Служба радиационной защиты на Ленинградской АЭС была не-

Приехала семья Свердловых. Свердлова, которая работала начальником на телеграфе, рассказала, что в 2 часа ночи 26 апреля по команде КГБ связь с внешним миром из Припяти была закрыта. Они успели выехать до того, как закрыли город.

От воздушного фильтра машины "светило" порядка миллирентгена в час. Да и сама машина была очень "грязная". Мы её дезактиви-